Культура. — 2003. — 27 февр. — 5 марта. — с. 8

Падет туманная завеса?

Премьера “Песен безвременья” Георгия Свиридова

В сущности, он их не закончил. Те четыре фрагмента для смешанного хора a cappella и в сопровождении оркестра, которые он впервые обнародовал в 1980-м, были только началом. Чуть не до конца жизни он возвращался и возвращался к этому сочинению. Искал жанровое определение — то ли поэмой, то ли циклом назвать (остановился на последнем). Дописывал. Но в итоге так и не решил: сколько номеров должно составить цикл — восемь, двенадцать, тринадцать? И так и не определился с их последовательностью, в разных планах представляя блоковские стихи то так, то этак. Почему не нашел организующую идею? Вопрос остается. Хотя, что искал в этом опусе — вопроса нет. Бога.

Свиридовское безвременье — не пресловутый общественный застой. Он пел о другом — о том, что вне и без времени и что его страна в конце 70-х только начала прозревать (чего стоит один тогдашний бум вокруг наконец вырвавшейся из-под запретов духовной музыки). Его “Песни безвременья” — об ангельских крыльях и несказанном свете, о невинности Божией природы и чистой детской душе. Есть ли еще у Свиридова произведение, где так ясно проступает богоискательство? Но, видимо, и для него, всем своим творчеством апеллировавшего к душе и духу, дорога к Богу была нелегка — если не дался ему этот труд.

Варианты цикла разыскал после смерти композитора его племянник Александр Белоненко (тот самый, что недавно издал шумевшую книгу дневниковых записей Георгия Васильевича). Куда ему было идти со своей находкой? Конечно, к Владимиру Минину, родственной свиридовской душе и исполнителю чуть не всех его хоров. А там уж порешили: остановимся на 12-номерном варианте, где окончанием служит песня “Икона”. Ее мининцы и

сочли идейной кульминацией цикла.

...Все, что надо, было на месте на московской премьере в БЗК (которая последовала за петербургской) — и уникальная свиридовская литургичность, и божественный звук мининцев. Только не кульминация. Реальным пиком оказалось другое (вот тут и открылось что-то насчет сомнений композитора). “Икона” — голос человека уже потому, что здесь фигурирует единственное соло. Когда-то этот номер (а он звучал в числе четырех и 20 лет назад) исполняли Образцова, Нестеренко. Сегодня Минин сделал то, что делает по самой тривиальной причине в последнее время часто, — отдал партию своему хористу. Как красив голос баса-самородка Дмитрия Белосельского, не передать. Но он — плоть от плоти хорового сообщества, где первая заповедь — слушай партнера, а “самость” — великий грех. А нет эмоциональной силы и динамической раскованности — нет масштабности высказывания. Но это не единственная причина, по которой голос человека не прозвучал. Он не мог прозвучать — потому что в цикле есть Господний глас. Этот глас — в двух детских песенках: “Зайчик” и “Кольбельная”, стоящих в самом центре сочинения. “Будьте как дети”, — услышалось в архаике свиридовских гармоний, в блоковском высоком наиве, в невинности голов (исполнитель — детский хор “Весна” А. Пономарева). Под этот центр действительно надо не просто перекомпоновывать цикл — переписывать. Но здесь ли фокусировались свиридовские сомнения, нет ли? — туманная завеса, перефразируя блоковскую строку цикла, уже не падет. Загадка осталась. И она не последняя — учитывая, сколько произведений, не прозвучавших и не опубликованных после смерти композитора, обнаружилось в его бумагах.

Лариса ДОЛГАЧЕВА